

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Свод древнейших письменных известий о славянах / Отв. ред. Л.А. Гиндин, Г.Г. Литаврин, М., 1991. Т. I (I—VI вв.). 472 с., карта.

Одним из показателей зрелости любой отрасли гуманитарного знания является непредвзятое и критическое отношение к собственным фундаментальным основам — к фактологической базе, к основополагающим концептуальным положениям, к оценке наследия своих "отцов-основоучителей" и классиков. Славяноведение — относительно молодая научная дисциплина, которая в то же время явно отягощена не вполне корректными гипотезами и сделанными в пылу полемики конъюнктурными выводами. К сожалению, таковыми изобилует как давно находящаяся в научном обороте, так и вновь выпускаемая в свет славистическая литература. Поэтому обращение к проблеме этногенеза и ранней истории славян, без преувеличений являющейся центральной в славистике со времени ее зарождения, не только своевременно и актуально, но и свидетельствует о научной смелости задумавших и осуществивших рецензируемый труд ученых.

Издание, предпринятое специалистами из Москвы, С.-Петербурга и Волгограда, является важной вехой в развитии отечественного и мирового славяноведения. Впервые в один корпус сводятся все известные на настоящий день науке памятники о древнейшем прошлом славян, включая спорные тексты, относимые историографической традицией к свидетельствам ранней славянской истории. В первый том свода составители (Л.А. Гиндин, С.А. Иванов и Г.Г. Литаврин) включили тексты 19 памятников. Источники изданы в извлечениях из оригинальных латинских, греческих и сирийских текстов с параллельным переводом на русский язык, с подробными филологическими и историческими комментариями, с обширными библиографическими отсылками¹.

Для слависта или византиниста, не связанных непосредственно научными интересами с изучением этногенеза и древнейшей

истории славян, это издание представляет интерес прежде всего возможностями использования приводимых текстов и комментариев к ним для формирования и коррекции общих представлений о средневековой славянской истории, о корнях традиций политической, социальной и духовной жизни славян, об их месте среди народов и государств раннесредневековой Европы и прилегающих областей Востока. Этот подход и определяет характер настоящей рецензии.

Первый том свода охватывает свидетельства I—VI вв., причем эти хронологические рамки относятся не к событийному ряду славянской истории, а ко времени создания памятников, содержащих приводимые свидетельства. Тексты выстроены в последовательности их создания, насколько таковую оказалось возможным определить. Каждое письменное известие предваряется введением, трактующим проблемы авторства, текстологии, истории изучения и издания памятников. Чаще всего (за исключением экскерптов из Плиния, Псевдо-Кесария и Иоанна Эфесского) во введении или в непосредственно предпосылаемых тексту примечаниях в скобках раскрывается контекст, в котором находятся в оригинале публикуемые сведения. Текстологические экскурсы (к сожалению, не везде) завершаются стеммами, отражающими рукописную традицию издаваемых памятников. Особого упоминания заслуживают публикуемые под линией разночтения по всем известным на настоящий день рукописям, что дает читателю возможность самостоятельно оценить точность прочтения текста. Параллельные переводы на русский язык, сделанные заново, позволяют и неспециалистам самим судить о допустимости некоторых слишком вольных интерпретаций, которыми нередко грешат общие и популярные работы о древнейшем прошлом славян.

Универсальный и комплексный характер издания подчеркивает и объединение филологического и исторического комментариев, носящих как уточняющий, так и концептуальный характер

¹ См. дополнения к библиогр.: Бибиков М.В., Петрухин В.Я. [Рец.] // Советское славяноведение 1992 № 5. С. 118—119. Рец. на: Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991 Т. I.

В связи с последним обстоятельством выглядит совершенно оправданным главный принцип издания — объединение в нем результатов творческих усилий специалистов, наиболее глубоко и всесторонне знакомых с публикуемыми источниками в их конкретно-текстологическом, историческом и общекультурном контекстах, вне зависимости от мест работы исследователей, их концептуальных подходов или мнений по конкретным вопросам, вызывающим в современной науке острые дискуссии. Это делает свод не столько результатом коллективной работы в том значении, которое обычно придается последней, сколько плодом объединения индивидуальных усилий наиболее компетентных специалистов, отражающих современное состояние научных дискуссий о древнейшем периоде славянской истории. На наш взгляд, это с лихвой окупает неизбежные при таком подходе издержки — некоторый композиционный разнобой и наличие отдельных противоречащих друг другу мнений.

Особое место в томе занимает первый раздел — "К предыстории славянства", включающий прежде всего переведенные и прокомментированные Ф.В. Шеловым-Коведяевым отрывки из Плиния, Тацита и Птолея в венедах. Как убедительно показывает ученый, этот древнейший комплекс сведений римских авторов I—II вв. восходит не к современной им этнографической реальности, а к античным традициям описания малоизвестных народов. Те же традиции продолжили и сведения римских итинерариев, сохранившиеся в поздней версии Певтингеровой карты (изд. и коммент. А.В. Подосинова). Завершают раздел экскерпты из "Истории" Приска Панийского (пер. и коммент. Л.А. Гиндина и А.Б. Иванчика). Оправданные сомнения ученых в славянской принадлежности некоторых топонимов Певтингерова итинерария и предметного репертуара сочинения Приска (просо, лодки-однодревки, напиток-медос) вкупе с анализом "венедских" экскурсов римских авторов основательно корректируют ставшие хрестоматийными представления о начале славянской истории, выводя из числа бесспорных даже для многих новейших исследователей² свидетельства о ранних славянах все известные на сей день тексты первой половины I тыс. н.э.

Столь ответственные выводы, органически вписавшиеся в острую дискуссию о начале этнической истории славян³, представляются нам фундаментально обоснованными и весьма

полезными для дальнейшего развития славистических исследований Искусственное удревление истории славянства, ставшее, к сожалению, не только общим местом учебной, популярной и отчасти научной литературы, но и профессиональным занятием некоторых маститых ученых, наносит ощутимый вред как всей концепции ранней и средневековой истории славян, так и авторитету славяноведения как науки. Естественно, отсутствие неоспоримых ранних свидетельств не может быть основанием и для противоположных по содержанию, но адекватных по тенденциозности попыток сдвигать на вторую половину I тыс. н.э. начало славянского этногенеза. На наш взгляд, прав С.А. Иванов, связывая начало собственно славянской истории со складыванием на достаточно продвинутом этапе этногенеза славян их этнического самосознания, зафиксированного письменными источниками через самоназвание "славяне" в начале VI в.⁴ Сопоставляя результаты вышеупомянутой дискуссии с материалами рецензируемого тома, можно отметить, что важнейший вклад последнего состоит в проведении четкой грани между источниками, бесспорно отражающими самостоятельное бытование славян в Европе, и сведениями, привлечение которых к реконструкции ранней славянской истории требует серьезного дополнительного обоснования, невозможного при современном состоянии источниковой базы.

Второй раздел тома — "Склавны и анты" — открывает подборка экскерптов из "Гетики" Иордана, замещающая давно устаревшее, хотя и сыгравшее большую роль в славистических исследованиях издание Е.Ч.Скржинской. Помимо современного научного издания текста и точного перевода, исправляющих ряд общепринятых чтений, эта часть свода ценна пространным комментарием (с.127—138), имеющим самостоятельное научное значение и вскопоско обосновывающим в развитии "венедских" экскурсов первого раздела тома тезис о том, что и готский историк вслед за Кассиодором использовал все тот же круг сведений о венедах, что был доступен Тациту. Таким образом, корни отождествления славян с венедами восходят к построениям Кассиодора, воспринятым Иорданом и являются не отражением этнической реальности середины I тыс. н.э., а гипотезой одного из первых европейских историков, в чье поле зрения попали славяне.

С. 3—13; Васильев М.А. Следует ли начинать этническую историю славян с 512 г? // Там же. 1992. № 2. С. 3—20 Продолжение дискуссии см.: Там же. 1993. № 2. С. 3—26.

⁴ Иванов С.И. Славянская этничность как методологическая проблема // Славяноведение. 1993. № 2. С. 23—26

² См.: *Tyszkiewicz L. Słowianie w historiografii antycznej do połowy VI wieku.* Wrocław, 1990.

³ Иванов С.А. Откуда начинать этническую историю славян: (По поводу нового труда польских исследователей) // Советское славяноведение. 1991. № 5.

Очень важна проводимая А.Н. Анфертьевым реконструкция основного источника Иордана в этой части "Гетики" — труда Кассиодора — и для уточнения ареала проживания ранних славян, особенно его западной границы (с. 136). Немало нового дает эта публикация и для уточнения представлений о хозяйственных занятиях славян и характере их поселений. Важная коррекция делается автором в отношении так называемой "державы Германариха", в состав которой, по мнению ряда ученых, входили и славяне. Убедителен А.Н. Анфертьев и в отрицании связи со славянами известия о роде Росомонов (с. 113, 155). Несколько менее самостоятелен и информативен его комментарий к знаменитому экскурсу о победе остготов над антским королем Бозом. Возможно, автор прав в желании избежать опасных предположений, в которых не испытывает недостатка историография этого отрывка труда Иордана.

Отдельно издан и прокомментирован Л.А. Гиндиным и Ф.В. Шеловым-Коведяевым отрывок "Гетики" о похоронах Аттилы, восходящий к помещенным выше сочинениям Приска и содержащий термин "страда". Всесторонний критический анализ, которому подвергают ученые данный отрывок, сам термин, как и приводимые на его счет авторитетные мнения убеждают в высокой степени вероятности славянского происхождения "стравы". В сочетании со сведениями, сохранившимися в дошедших до нас отрывках трудов Приска, данный экскурс Иордана является веским свидетельством в пользу "гунно-славянского симбиоза" (с. 167) в V в. н.э.

Тексты из Прокопия Кесарийского — основного источника по истории славян в VI в. — представлены в своде С.А. Ивановым, Л.А. Гиндиным и В.Л. Цымбурским. Это 12 отрывков из "Истории войн", три — из "Тайной истории" и два — из трактата "О постройках". Выверенный по сравнению с ранее предпринимавшимися изданиями текст, уточненный русский перевод и, в особенности, пространные комментарии дают возможность сделать несколько важных коррекций. Во-первых, это касается существенных дополнений к сведениям Прокопия, содержащихся в приводимых в комментарии новеллах Юстиниана (с. 216, 217). Во-вторых, кардинальной коррекции подвергнуто традиционное чтение пассажа о религии славян. Убедительно обосновывается перевод "один из богов" вместо хрестоматийного "один только бог" (с. 183, 221), что значительно изменяет представления о состоянии славянского языческого пантеона во времена Прокопия. Важны и иные коррекции перевода, касающиеся отношений славян с Византией (с. 185—186) и их статуса на территории империи, хронологии славянских нападений на Византию (с. 197, 201, 240—242, 245—246).

Отрывок из позже других вошедшего в научный оборот сочинения Псевдо-Кесария, представленный С.А. Ивановым, содержит интересный и противоречивый материал об обычаях древних славян, породивший значительную литературу. Для его правильной интерпретации весьма важно наблюдение автора, что в тексте Псевдо-Кесария описание славян служило моделью для составления "от противного" образа полумифических фисонитов. В то же время, описания и тех, и других, отражают не столько реальность VI в., сколько представления византийцев той эпохи о живущих на периферии империи варварах.

Новацией по сравнению с ранее издававшимися сводами сведений о ранней славянской истории является включение в том упоминаний об антах в титулатуре византийских императоров VI — начале VII в (пер. и коммент. С.А. Иванова). Эта формула восходит к обновленному императорскому титулу Юстиниана, что согласуется с другими источниками, впервые упоминающими об антах в это время.

Отрывок из хроники Иоанна Малалы, представленный Г.Г. Литавриным, содержит уникальное и, как доказывает ученый, достоверное свидетельство об участии славян в грандиозном походе на Константинополь вождя племени кутригуров Забергана (ок. 559 г.).

Единственный восточный источник, включенный в первый том свода — хроника Иоанна Эфесского (пер. и коммент. Н.И. Серикова). Составители свода правомерно оставили за его пределами упоминания Захарии Ритора о народе "рос", которое долгое время относилось к числу древнейших упоминаний о славянах из-за некорректного сопоставления Н.В. Пигулевой, широко использованного Б.Н. Рыбаковым. Перевод пассажа Иоанна Эфесского о славянском походе во Фракию в 581 г. дополнен четырьмя другими фрагментами его труда, сохранившимися в переложении хрониста XII в. Михаила Сирийца Однако, Н.И. Серикова, прекрасно проделавшего сложную работу по сверке, переводу и публикации текста, можно упрекнуть в излишней лаконичности и фрагментарности комментария.

Отрывки из Агафия Миринейского и Меландра Протиктора — основных источников о славянах на византийской службе, славяно-византийских и славяно-аварских отношениях второй половины VI в. представлены И.А. Левинской и С.Р. Тохтасьевым. Углубленный анализ ими антропонимов, относящихся к упоминаемым здесь антам, приводит к вескому предостережению, что из пяти (включая Боза у Иордана, описывающего антов IV в.) антских имен, известных по источникам, ни одно не получило "достоверной славянской этимологии" (с. 355).

С важной коррекцией датировки (558 г.) С.А. Иванов приводит мало использованную учеными эпитафию Мартина Бракарского св. Мартину Турскому

С.А. Иванов и В.В. Кучма представляют отрывки из двух военных трактатов — анонимного сочинения конца VI в. и "Стратегикона", уверенно датированного В.В. Кучмой концом VI в. и атрибутируемого императору Маврикию. Возможные и в том, и в другом случаях сдвиги *terminus postquem* на первые годы VII в. не противоречат принципу хронологической последовательности сведений в томе, так как замыкающий его отрывок из Хроники Иоанна Бикларского также датируется самым концом VI или первыми годами VII вв. Помимо сведений о военных обычаях славян военные трактаты содержат, как известно, и информацию о хозяйственной и социальной жизни, но их объем и характер не позволяют интерпре-

тировать их слишком конкретно, как это не раз делалось

С выходом первого тома "Свода" отечественная историография ранней истории славян пополнилась трудом, отвечающим самым современным требованиям как с точки зрения издания исторических источников, так и в плане их всесторонней и критической интерпретации. Мы надеемся, что несколько затянувшаяся в силу понятных причин пауза между первым и вторым томами (думается, прежде всего она послужила препятствием для появления большего числа откликов на вышеуказанную книгу) вскоре закончится, и научная общественность получит возможность целиком и по достоинству оценить выдающийся труд, несомненно, принадлежащий к числу высших достижений отечественной медиевистики

Д.И. Польшвинный

Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1991. 243 с.

Монография Е.П. Глушанина посвящена чрезвычайно сложному и важному с точки зрения назревания форм византийской государственности периоду — III—VI векам. Именно здесь кроются истоки фантастического "долговечия" империи, ее удивительной политической стабильности и живучести. Не менее важен (и мало изучен) предмет исследования — военная знать как особая социально-политическая категория господствующего класса империи, ее роль в становлении византийской государственности. Зарождение и оформление военной знати изучается в книге Е.П. Глушанина методом поэтапного анализа, в строгой хронологической последовательности рассматриваемых событий. Несмотря на свой относительно незначительный объем (ок. 14 печ. листов), монография производит весьма солидное впечатление, отличается исключительной обстоятельностью, емкостью и, я бы сказал, "интенсивностью" изложения материала, в сжатой форме заключает в себе богатейшую информацию, почерпнутую автором как непосредственно из источников, так и из специальной литературы. Автор демонстрирует превосходное знание богатейшей историографической традиции (что значит пару лет поработать над темой в немецких библиотеках!), умение ориентироваться в ней и критически анализировать труды своих предшественников, проявляя при этом мастерство

самостоятельного и скрупулезного аналитического разбора источников

Автору удалось весьма наглядно воспроизвести атмосферу почти непрерывного кадрового и административного "экспериментирования" императоров в военной сфере (справедливо подчеркивается особая роль Константина Великого, заложившего основы эффективного действовавших административных структур — с. 50), при налаживании системы правительственного контроля за формированием "армейской верхушки" и средних армейских постов, борьбы (с переменным успехом) зарождавшегося "династизма" с квазиконституционными принципами так называемой "политической адаптации". В книге — масса частных наблюдений, уточнений и исправлений, пересмотр некоторых традиционных точек зрения. Убедительны соображения автора о времени учреждения института магистров армии (с. 52—53), об отсутствии (вопреки мнению некоторых исследователей) у Гайны частного войска-свиты (с. 91) и о легенде приглашения им целого народа (с. 92), о причинах передачи должностей *laterculum minus* квестору дворца (с. 101), о мифе об Аспоридах (с. 113—115), о надуманности тезиса некоторых ученых о борьбе за своего кандидата на престол между готско-аланским и исаврийским "лобби" в столице (с. 117), о сомнительности историчности свидетельства Теодориха об